

Бой Ильи Муромца с сыном (2)

А во дáлечи, далéче во чистóм поли
Там ведь стоял-то шатер белой полóтьняной;
Да во том во шатру новом полóтьняном
Было-жило пять могуциих богáтырей:
Шьто первóй-от богáтырь Вáнюшко, боярьской сын,
Да второй-от Ванька, енеральской сын,
Да третей-от Олешенька, поповьской сын,
Да четвертой Добрынюшка Никитиць млад,
Ишше пятой-от — старая старыньшина,
Ишше старая старыньшина Илья Муромець,
Илья Муромець был, да свет-Ивановиць.
Пробужаитце Илья да от крепкóго сну;
Он свежóй водой ключéвой умываитце,
Тонким белым полотеньцом утираитце,
Он ведь молитце всё спасу пречистому
Да царици небесной богородици;
Ён выходит на ширóку светлу улицу,
Он берет свою трубочку подзорную,
Он ведь смотрит на цётуре во вси стороны:
Шьто во дáлечи, далéче во чистóм поли
Там ведь ездит богáтырь по чистú полю,
Ишше ездит по чистú полю, полякуёт;
Он ведь мéцёт всё палицю тяжелую,
Он ведь мéцёт-то палицю сорока пудов,
Он берет-то одной рукой, с коня нейдет,
Не становít он своёго коня доброго;
На кони-то сидит, будто сильнэй бугор.
Ишше тут-то Илья Муромец приужáхнулся,
Приужахнулся, со страху прироздумался:
— Мне кого бы послать-то во чистó полё,
Во чистó полё послать мне, попроведати?
Мне послать ведь разве Вáнюшу боярьского, —
Непростых-то родóв, — роду боярьского;
Утеряёт в цíстом пóли буйну голову.
Мне послать ведь разве Ваньку енеральского, —

Енеральцького роду пришел, нежного,
Утеряет-то в чистом полі буйну голову;
Да послать разве Олешеньку Поповиця;
Он ведь роду как всё поповського, —
Потеряет в чистом полі буйну голову;
Мне послать разве всё брателка крестового,
Как того ли Добрынюшку Никитича.

Услыхает Добрынюшка таковы речи;
Он ведь скоро выходит из белá шатра,
Он ведь скоро седлат-то своёго коня доброго,
Он седлат, всё убирает коня богатырского;
Он двенадцать шолкóвых упружинок застéгиват;
Ише сам он коню да приговариват:
— Уж ты, шолк, всё не рвись, да ты, убор, не гнись!
Що не ради красы, да ради крепости,
Ради силы своей да богатырския.

Как поехал Добрынюшка во чистó полё,
Не наехал богáтыря в чистóm полі,
Он поехал Добрынюшка поближе ко синю́ морю
И увидал богáтыря всё присильнёго;
Он скрыццал ведь богáтыря во всю голову:
— Ты постой-ко, богáтырь, сам ты мне скажись,
Ты скажись-ко мне, богатырь ты могуцёй жа;
Подъезжай ко мне поближе, мы как съедемсе.

Как услышал богáтырь таку похвальбу,
Поворачивал своёго коня доброго;
Как зары́снула у коничка правá нога, —
Мать сыра-то земля да потрясаласе,
Ише синёе море зволновалосе,
Из озер, из рек вода да поливаласе.
Ишше тут ведь Добрынюшка испугаитце,
Подломились у Добрынюшки ножки резвыя,
Приупали у Добрынюшки руцьки белыя,
Приудрогло у Добрынюшки ретивó серцó,
Помутились у его-то оци ясныя,
Прокатились у ёго жо горюцї слёзы:
— Уж я сколько по цисту́ полю не езживал, —
Уж я эдакого богáтыря не видывал.

Поворацивал Добрынюшка добра́ коня

Ко своѣму-то он да ко белу́ шатру,
Ён поехал-то всё проць ко белу шатру.
Как стрецят-то старыньшина Илья Муромець;
Недосуг Ильи коня учасывать-углаживать,
Недосуг ему двенадцеть шелко́вых опру́жинок застѣгивать,
Ище сам говорит да такovy реци:

— Ище мне-ка во чистом пóли смерть не писана;
Я поеду с богатырем побратаюсь,
Я поеду с могучим поздороваюсь.

Приезжает Илья да во чистó полё,
Он наехал богатыря в чистом поли́;
А богатырь-то ездит, забавляйтце
Он как детскимa-боярскимa забавами;
Ишше сам-то он палици приговариват:
— Приклоню-ту свою палицу тяжолую,
Приклоню-ту я тибя прямо на красён Киев-град,
Как на матушку тибя, да каменну́ Москву.

Ишше те слова ведь старой ведь старыньшины
За беду-то ёму стали за великую,
Приезжает к богатырю близехонько.
Он ударил своей-то ведь палицей тяжолою,
Он ударил богатырю по буйно́й головы,
Как богатырь сидит, сидит не думает,
Он не думает сидит-то, сам не обёрнитце,
Не обёрнитце сидит, да не зглѣнёт же,
Ишше тут ведь Илья да призадумалсе:
— Разве силушка у мя уж не по-прежнему,
Не по-прежнему сила, не по-старому?

Он отъехал всё за вёрсту за мерную,
Он нашел в поли́ горюцѣй серой камешок,
Он ударил по камешку палицей тяжелою, —
Разлетелся-то камень на мелкí куски.
Подъезжат опять к богатырю во второй након,
Он ударил его по буйно́й головы;
Ай богатырь-то сидит, всё не думает,
Ище тут опять Илья да отъезжает прочь;
Он ударил ведь в камень во второй након, —
Разлетелсе ведь камешок в мелкí куски.
Приезжает к богатырю во третѣй након,

Он ударил-то палицей по буйной головы;
Да тогда-то богатырь усмехнулся-то.
Тут не лютое зелье разгорелосе,
Богатырьско-то сердце роскипелосе;
Говорит-то Илья Муромец таковы слова:
— Уж ты гой еси, богатырь ты могуцей же!
Уж мы съедемсе с тобой разве, ударимсе.

Они съехались с им да все ударились;
Востры сабельки у их да поломались,
Востры копыця у их все потупилисе
Все от ихних же лат да богатырьских,
Ишше стали они да рукопашкою;
Ишше мастер Илья-то да был боротисе,
Подкорюцил богатыря правой ножоцкой,
Ишше пал-то богатырь на сыру землю,
Мать сыра земля-то потрясаласе.
Он ведь хочет пороть да груди белыя;
Ишше сам он Илья-то ведь Муромец пороздумалсе:
— Я спрошу ведь у богатыря, росспрошу про то,
Уж ты гой еси, дородней ты доброй молодець!
Тебе много ли от роду-ту тебе есь годов?
— А годов-то мне от роду-ту все двенадцать лет.
— Ты ведь цей же земли да цего города,
Ты цего же отца, ездись, да цей матушки?

Говорит-то дородней-от доброй молодець:
— Кабы сидел-то я у тебя да на белых грудях,
Не спросил бы я у тебя не роду, не племени,
Не спросил бы не города, отца-матушки, —
Я колол бы твои-ти да все белые груди,
Посмотрял бы твоё-то ретиво сердце.
Говорит-то Илья Муромец во второй након,
Говорит-то ему да во третей након:
— Уж ты цей же земли да цего города,
Ты какого отца, какой матушки?

Говорит-то дородней доброй молодець:
— Уж я города все ведь я неверного,
Уж я сын-то Маринки все Кайдаловки,
Да котора живет во земли неверныя,
Получает она пошлину великую

Как с того ли со князя-то со Владимира
Шьто за ти ли за черны-ти его кáрабли;
А меня она послала всё на святую Русь,
На святую меня Русь-ту, всё в каменнú Москву
Отыскать тибя, старого, седатого;
Не дошод, она велела, всё низко кланитьце,
Называть тибя велела всё рóдным батюшкой.
Да дала она перстень на правú руку́.

Как увидял-то старая стариньшина,
Он ведь свой ведь увидел всё именной перстень
Он со той ли со 'ставоцькой драгоценною,
Он ведь брал-то его да за правú руку,
Целовал он его в уста сахáрныя:
— Как мое ты, мое цядо милоё,
Цядо милоё мое ты, всё любимое,
Ты ведь млáденькой мой всё Подсоко́льницёк!

Целовал он в уста-то его в сахáрныя,
Он ведь стал-то ёму скоро рассказывать:
— Я ведь был-то ходил-то да по синю́ морю,
Замётало-то меня погодушкой великою,
Я тогда подарил перстень твоей рóдной матушки:
«Какогó ты родишь, да тому отдай,
Хошь ты сына родишь, бывает, ясна сокола,
Хошь ты доцьку родишь, ты красну девицу».

А поехали они тогда во белóй шатер;
Как на радости пили да трои сутоцьки.
Подсокольницёк-то ведь на ёго зло думает,
Зло-то думает он, шьтобы зло бы сделати:
— Не послушаю я матушки наказаньця, —
Ухожу я своёго-то родна батюшка!

Как ведь тут же Илья всё как зáспал жо,
Как крепкíм-то сном зáспал богатырьским же;
Ишше взял Подсокольницёк-от вострó копье,
Как направил ёму всё в ретивó серьцё;
Сохранил ёго господь-от, всё помиловал:
Розлетелось копье-то Ильи-то в белы́ груди;
Ище был-то у ёго на шеи навешан золотой же крест,
Золотой-от ведь крест был во вси груди;
Он ведь тем же крестом от смерти всё избавилсе,

Он ведь взял Подсокольницька за жолты кудри,
Он бросал-то его-то ведь высóко же,
Он ведь выше ёго-то лесу стояцёго,
Он пониже всё облака ходёцёго;
Он ведь тут-то его же не убил вовсе;
Привязал он к своёму к добру коню:
— Ты беги-ко, ступай-ко, конь-лошадь добрая,
Увези Подсокольницька во свое место,
Щёбы не ездил к нам больше во чистó полё,
Во чистó к нам полё, щёбы в красён Киев-град;
Не допушшу ёго до матушки славной каменнóй Москвы.

Побежал-поступал-то тут ведь доброй конь,
Прибегал-то к родимой его матушки.
Ён крыццал-то скоро ведь да зысьним голосом:
— Уж ты гой еси, матушка родимая!
Ты родима моя матушка любимая!
Ты отворь-ко мне косисцятó окошечко,
Посмотри-тко на своёго цяда милого;
Ты велела ведь мне-ка старому низко кланетьце;
Ише стар-от ведь надо мной как надругалсе-то:
Привязал-то миня взял ко добру коню;
Розвяжи ты миня, маменька, скорешенько.

Розвязала она его скорешенько,
Ише стала сама про то выспрашивать:
— Уж ты было ли, цядышко, на святой Руси?
Он ведь взял свое-то всё вострó копьё,
Он ведь матушки-то ударил всё ведь в белу грудь,
Ише тут ведь она-то скорó представилась.

Ише сам-то собака похваляйтце:
— Уходил-то тепереце рóдну матушку,
Как тепереце мне будёт воля вольняя.
Заполоню-ту все я руськия чёрны кáрабли,
Изберу-ту, изымаю со кáраблей многíх людей;
Разышшу-то тогда жа Илью Муромця,
Отсеку я по плечь ёму буйну голову.

Как пришло-то об одну пóру, прикатилосе,
Уж и сотня цернёных-то пришло кáраблей;
Захватил-то он, вси-то зáбрал-то,
Заполонил он народу всего да православного.

Как приходят ёрлычки скоро скорописцята,
Да приходят-то скоро всё во Киев-град,
Шьто во матушку приходят в каменну́ Москву:
— Захватил-то Подсокольницёк черны кáрабли,
Заполонил-то Подсокольницёк людей добрых,
Да матросицьков он да всих карабельшицьков.

Как недолго тут Илья, немного он роздумыват,
Он скорехонько-скоро да собирайтце,
Он ведь скоро поехал тут к Подсокольницьку,
Он прибил всех со старого до малого,
Он отсек у Подсокольницька буйну голову,
Пригонил вси чернёны-ти свои кáрабли
Он ведь в гавань ко князю ко Владимиру.

(Записано А. В. Марковым на Зимнем берегу Белого моря в деревне Нижняя Зимняя Золотица в июне 1899 года от Аграфены Матвеевны Крюковой, 45 лет.)

Беломорские былины, записанные А. Марковым. С предисловием проф. В. Ф. Миллера. М., 1901.